

Кубанский писатель

12+

№ 1 (104)

январь
2016 года

Ежемесячная литературно-просветительская газета Краснодарского краевого отделения Союза писателей России. Выходит с 2005 г.

СЛОВО РЕДАКТОРА

Год литературы: дела и надежды

Честно признаться, когда наш Президент Владимир Владимирович Путин объявил 2015-й Годом литературы в России, то надежды на решение накопившихся писательских проблем были очень велики. Ведь не одно десятилетие идут разговоры о принятии закона о творческих союзах, о введении в реестр профессии «писатель», минимальной оплате труда литераторов. Социальная платформа партии «Единая Россия», по сообщениям СМИ, приступила в феврале 2015 к разработке программы помощи патриотическим писателям, обещая добиться серьёзного прогресса. Но, увы. Года на принятие ожидаемых решений не хватило. Причём, разочарование наступило почти сразу же. Помните, как социальные сети просто взорвались комментариями к открытию Года литературы на канале «Культура», когда набор превозносимых с экрана имён литераторов снова утверждал незыблемость власти либералов, упорно отрицая само существование достойнейших русских писателей-патриотов. А ведь именно их так уверенно обещали поддержать в Государственной Думе...

На Кубани Год продвигался месяц за месяцем, но каких-либо планов и проектов, задействующих писателей, от профильных структур так и не поступило. И первое для меня значимое событие 2015 случилось в середине апреля — фестиваль-конкурс «Хрустальный родник» в Орле, где довелось работать в жюри. Там в номинации «Детская литература» победила Наташа Широбокова, прозаик из Краснодара, которая не раз участвовала в наших краевых семинарах. Итогом долгой работы в постижении мастерства стало первое место и рекомендация в Союз писателей России! Сказки и рассказы для детей Натальи Широбоковой опираются на русский фольклор, умело переосмысленный в контексте времени. Она не меняет нравственных ориентиров, рисуя картину мира, в котором неминуемо присутствует зло, но добро обязательно торжествует.

Работа с молодыми и начинающими авторами всегда была и остаётся одной из самых важных задач нашего краевого союза. Поэтому, без какого-либо вспоможения от властей, Краснодарская писательская организация в конце апреля 2015, совместно с литературными объединениями Армавира и Новокубанска, провели в городе Армавире долгожданный полнообъёмный семинар начинающих авторов. Обсуждались рукописи участников клуба-мастерской «Лит-СтихиЯ» (руководитель Н.А. Литовченко) и литературного объединения «Поиск» (руководитель Е.Л. Замореев). Работа прошла настолько плодотворно, что ещё долгое время я была уверена: семинар и станет доминантой Года на Кубани. Уровень рукописей позволил вести серьёзный разговор о литературе, руководителями секций кропотливо разбирались тонкости ремесла, и буквально каждое слово мастеров, их замечания самодельные поэты и прозаики встречали с пониманием. Высокие оценки и добрые напутствия получили Юрий Мох, автор поэмы «Читая Лермонтова», Ирина Иванченко (стихи и проза), Наталья Борисевич (стихи), Татьяна Шаповалова и Нина Крынина (стихи), Денис Швец и Наталья Шеккер (стихи), Светлана Денисова (проза).

Во второй половине мая к всероссийским

и краевым литературным событиям добавились международные. В Неклиновском районе Ростовской области прошёл пятый Международный поэтический фестиваль «Берега дружбы». Встретились писательские делегации из Беларуси, Украины, ЛНР и ДНР, Москвы, Брянска, Курска, Краснодара и Краснодарского края. На сцене Дома культуры села Покровского состоялась презентация книги «Побеги славянского корня». В ней представлены стихи белорусских поэтов, членов Союза писателей Беларуси, переведённые Анной Вартамян (Гулькевичи) на русский и Ольгой Сафроновой (Таганрог) на украинский языки. Вместе с другим

поэтическим сборником ведущих кубанских поэтов и переводами на белорусский язык «Я всеми силами храню», книга «Побеги славянского корня» была представлена и в Краснодаре, в краевой научной библиотеке им. А.С.Пушкина. Эти издания — уникальный пример народной дипломатии, миротворчества поэтов — участников проекта «Берега дружбы», для которых творчество стало противодействием, сопротивлением безумию, творимому сейчас политиками и олигархами на Украине.

Майский фестиваль «Берега дружбы» получился настолько ярким, что организаторы, уже при поддержке Администрации Ростовской области, решили повторить его в расширенном формате в сентябре. Писательские делегации выступали в школах

и лётном интернате Неклиновского района, в таганрогском «Зелёном театре», встречались в Доме журналистов Ростова-на-Дону с представителями ведущих СМИ области. Проект «Берега дружбы», возникший в 2011 году без изначальной административной поддержки, только инициативой поэтов Надежды Верас, Леонида Севера и Ольги Сафроновой, вырос до уровня международного фестиваля и международного движения, творчески скрепляющего связи братских славянских литератур. Сегодня значимость проекта признаётся на всех уровнях, но тиражи книг, изданных в рамках «Берегов дружбы», — чуть более пятисот экземпляров. И по-прежнему, но один телеканал упорно не проявляет заинтересованности к проводимым мероприятиям

Поэтому не надо объяснять, как впечатлило меня пребывание в Якутии, где в июне прошли Дни российской литературы и пленарное заседание выездного секретариата Союза писателей России. Ведь только в 2015 году, в этой, географически самой отдалённой от столицы республике, выйдут 125 000 экз. книг, среди них и очередные переиздания русских и советских классиков в переводе на якутский. А вообще с 2012 по 2017 годы на книгоиздание из бюджета республики запланировано потратить 19 955 000 рублей! Большие средства выделяются на укрепление материальной базы писателей, только на работу с молодыми авторами в 2015 году выделен один миллион рублей. Министерством культуры и духовного просвещения (!) 100 якутских писателей рекомендованы для обязательного прочтения молодёжью. Постоянно проходят конкурсы, направленные на повышение качества чтения. Притом, что население Саха-Якутии — 950 000 человек, в пять раз меньше, чем в нашем Крае.

Как не дрогнуть моему сердцу? — на Кубани в последний раз средства из бюджета на издание книг писательская организация получала в 2001 году. И, словно услышав мои мысли, алтайский поэт Бронтой Бидуров с трибуны пленума заявил, что «националы», получая в республиках помощь на свои литературные проекты, сегодня должны обеспокоиться положением русских писателей: «Как дети заботятся о родителях, так и мы обязаны поддержать русских литераторов!»

«Нельзя понять другого человека, не зная обычаев, истории его земли», — категорично, но справедливо прозвучали слова председателя Союза писателей Якутии Натальи Харлампьевой о том, что в России полностью порушена система книгораспространения. Государству почему-то не интересно, что читают в разных регионах страны, и уже двадцать лет Россия не видит национальных авторов, потому что они не переводятся на русский язык. По её словам, переводы сейчас бывают только по дружеской договорённости. В то время, как в многонациональной стране этой проблемой должно заниматься Федеральное агентство по культуре, озабоченное сегодня лишь переводами и продвижением на нашем книжном рынке западных авторов. «Статус писателя в России — неудачник! — продолжила Харлампьева, — Мы в Якутии ещё пользуемся уважением, потому что почитание Слова заложено в якутах с древних времён, ведь олонхосуты были носителями национального эпоса. Но в других регионах

страны многие писатели просто бедствуют».

Подводя итоги, председатель Союза писателей России Валерий Ганичев призвал власть России брать примером отношение руководителей республики Саха-Якутия к своим писателям, назвав подвигом издание в наше время «Антологии якутской поэзии» на двух языках и переиздание книг классиков, похвалил за переводы на якутский язык Омара Хайяма, Конфуция. И поблагодарил Главу Республики Саха-Якутия Егора Борисова от имени писателей, участников Дней российской литературы: «Все мероприятия были организованы на высоком уровне. Мы увидели, почувствовали грандиозность национального праздника, бережного отношения к слову, к традициям, что вызывает просто восхищение. Это искреннее отношение останется у нас в душе навсегда. В эти дни Якутия стала центром Года литературы».

Эти слова я вспомнила в Москве на Красной площади, где через несколько дней оказалась на открытии фестиваля «Книги России», наивно надеясь встретить земляков. Увы, краснодарского стенда не было среди очень скромно представленных 33 областей и республик страны. Был там Ставрополь, был Ростов-на-Дону, была Тюмень и Якутия. Приехали писатели из Самары, Калининграда, Курска, Орла... Развернули свои витрины картели АСТ и ЭКС-МО, а регионы для продажи книг ужались по метру квадратному! Стенды выглядели бедненько, и на сцену провинциалов не пустили. Звучали имена всё больше наэтично-медийные: Веллер, Шаргунов и им подобные. Как будто Москва не знает ни Евгения Юшина, ни Виктора Кирюшина, нет для устроителей ни Николая Коняева, ни Юрия Ложица, ни других блистательных поэтов и прозаиков. Нет для либералов ни Галактионовой, ни Дорошенко, ни Краснова, ни Тарковского, ни Антипина.

Коллеги поведали о закрытии Дома литератора в Барнауле, о сокращении субсидий в Саратове, неприютности в Калининграде. И вспомнился наш сиротливый офис без телефона и Интернета на дальней окраине, где с 2010 года «обитают» кубанские писатели. «...Да, пожалуй, прав Ганичев: центр Года литературы — Якутия».

Наши чиновники любят ссылаться на «цивилизованный Запад», где, дескать, «свободный рынок» диктует спрос и предложение, в том числе и в сфере писательской и издательской. На самом деле это не совсем так. В Норвегии каждый книжный магазин обязан заказывать новые книги писателя-норвежца по реальной цене, так что тираж сразу пристроен. Во Франции отпускаются деньги провинциальным библиотекам на приобретение не только периодики, но и книг французских писателей. В США огромные деньги на писательскую деятельность получают университеты, в каждом университете введена должность «писателя» и издаётся элитарная (не коммерческая!) литература. В Корее существует Институт поэзии, в Китае... в Голландии... в Сирии...

Кстати, Союз писателей СССР существовал и содержал республиканские и областные писательские организации не за счёт «рыбка» государственного бюджета, как принято думать несведущими, а за счёт «удочки», выданной правительством на издательства и типографии.

(Окончание на стр. 2)

СЛОВО РЕДАКТОРА

(Окончание. Начало на стр. 1)

Определённый процент отчислений от продаж книг аккумулировался на специальном счёте Литературного фонда, и уже оттуда распределялся по организациям.

Теперь всё иначе. Но среди писательских проблем и событий Года, конечно, самый главный акцент необходимо ставить на первостепенном – нашей литературе. Узловым событием, полностью наполненным поэзией и прозой, стал в 2015-м первый Всероссийский литературный фестиваль-конкурс «Поэзии прекрасный свет» в Анапе, организованный Администрацией города-курорта и Краснодарским региональным отделением Союза писателей России. Из более чем 120 заявленных участников в финал вышли очень ровные конкуренты, авторы достаточно серьёзного уровня подготовки, в большинстве своём прошедшие школу литературных объединений. Главное же, что радовало жюри – отсутствие в конкурсных работах чернухи и пошлости. Среди лауреатов Сергей Бондарюк, Алина Хомич, Екатерина Годовых, Елена Суханова, Анна Ходотай (Анапа), Лидия Вдовченко (Ейск), Дарья Тоцкая (Краснодар). Победителем в номинации «Поэзия» стала студентка Махновская Дарья (Брюховецкая). В прозе – её землячка Людмила Белорус. А Гран-при фестиваля-конкурса 2015 года присуждён анапчанке Ирине Иваськовой (рассказ «Нор-

ма Джин») за психологизм, фактурную образность, авторскую нравственную позицию.

Намерено рискуя утомить, я перечислю имена поразивших в этом году литераторов, начав список с участников семинара в Армавире и добавляя лауреатов фестиваля в Анапе, чтобы ещё и ещё раз утвердить стержневое – литература Кубани развивается и прирастает новыми именами, независимо от внимания властей и читателей. Не оскудевает наша земля на таланты, которые переживают, осмысливают и запечатлевают происходящее вокруг, чтобы художественными образами передать наш опыт последующим поколениям.

Этот год обилует творческими удачами мастеров. Перечислю лишь несколько: на Кубани зимой 2015 года написаны две казачьи поэмы «Правый мир» и «Ермак» Василием Дворцовым, признанные яркими событиями последних десятилетий в русской поэзии, выразившие в новых формах вечную эпичность русского характера.

Вячеслав Диника возродил стихотворное звучание драматургии, издав «несвоевременную трагедию» «Эдит», созданную по мотивам романа Стефана Цвейга «Нетерпение сердца». Рассказ о судьбе большой девушки далеко не исчерпывает замысел автора. Сюжет, казалось бы, давней трагедии осовременен неизменностью общечеловеческой морали, доводимым до

публицистичности переживанием близкой новой войны.

В книге прозы Айтеча Хагурова «Переправа» – история семьи, воспоминания о военном детстве, уникальные свидетельства тех роковых годов. Там нет рассказов о кровопролитных битвах и героических подвигах, но насколько страшно «увидеть» войну глазами голодных детей.

В 2015-м читатели познакомились с романом Александра Мартыновского «На перевалах», с книгой афоризмов и второй частью романа «Орёл в стае не летает» Анатолия Ильхова. С публицистикой Юрия Соловьёва и Татьяны Немчиновой, историческим и краеведческим исследованием Владимира Кирпильцова «Живое золото междуречья Кубани и Лабы». С новой сказкой Натальи Широковой «Наследники сказочных тайн».

В Год литературы вышли поэтические сборники Владимира Архипова, Алексея Горобца, Сергея Тимшина, Сергея Зубарева, Николая Седова, Анатолия Шипулина. При всём невнимании нынешнего общества к литературе, эти книги достойно представляют наше время в высокой поэзии. Стихи кубанских поэтов желанные гости на страницах журналов и альманахов по всей стране, переводятся на украинский и белорусский языки.

Современная русская литература уже просто невозможна без философской поэзии

Николая Зиновьева, женской лиричности Нелли Василюхиной, вдумчивой прозы Николая Ивеншева, Степана Деревянко, Людмилы Бирюк, лучистых «детских» стихов Любови Мирошниковой и Марины Тараненко. Горжусь словами Александра Сегеня, определившего мою новую книгу повестей и рассказов «Уютный дворик, тихое окно», как «неоспоримое свидетельство мастерства автора».

Полнота краевого творческого процесса поддерживается и теоретиками литературы. В конце сентября с успехом прошла в Краснодаре вторая Международная конференция «Наследие Ю.И. Селезнёва и актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории». Дело русского идеолога продолжается, его мысли и чаяния о национальной литературе и культуре находят продолжателей, его имя живёт на его родине.

Прошедший год стал юбилейным для «Кубанского писателя». Наша газета признана лауреатом 2015 в номинации «Периодика» на авторитетном Интернетсайте «Российский писатель», учредённом Союзом писателей России. Верится, что совсем не случайно произошло это именно в Год литературы.

И ещё больше хочется верить, что надеждам, связанным с Годом литературы всё-таки суждено сбыться...

Светлана Макарова-Гриценко

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

«Русские рифмы» в Москве

Девятого-двенадцатого декабря в Москве состоялся всероссийский литературный фестиваль «Русские Рифмы», который собрал молодых поэтов из 65 регионов России. Со всей страны в столицу приехали полуфиналисты, чтобы обрести внимательных слушателей, получить ценные советы мастеров и найти новых друзей.

Кубань оказалась самым творческим краем, чем я очень горжусь. В отличие от других регионов, в которых, по словам организаторов фестиваля, на их просьбу активизировать молодых поэтов сотрудники местных органов по делам молодежи отвечали «ка это такое», Кубань дала больше всех заявок и в итоге семь поэтов сочли достойными звания полуфиналиста и пригласили в Москву. Великолепная семерка кубанцев – это преподаватель Южного Института Менеджмента, переводчик Людмила Мурашова, студент первого курса экономического факультета КубГАУ Бари Гасанов, ведущий мероприятий в Краснодаре Кирилл Белоног, студент КСЭИ Александр Горбенко, сочинец Иван Коробицын, студентка юридического факультета КубГУ Валерия Дульская и выпускница факультета журналистики Жанна Бурлак. Я была одной из семерых счастливиц, которые были приглашены на фестиваль «Русские Рифмы» в Москву. Вернулась я, погруженная в море самых разных впечатлений, которыми теперь хочу поделиться.

В первую очередь хотелось бы отметить положительную динамику в работе с талантливой молодежью в целом. Даже сам факт того, что нас собирают, предоставляют нам площадку, заботятся о нашем комфорте и досуге уже радует. Все материальные затраты по организации фестиваля: размещение, питание, а также организации досуга поэтов и все их транспортные расходы в Москве легли на плечи Росмолодежи и Роспатриотцентра. Как здесь не стать патриотом, когда о тебе так заботятся? Говорю это без всякого сарказма – с открытым сердцем. Хотя патриотом становишься не за что-то, а во имя чего-то – во имя простого осознания, что ты – часть этой великой земли. Единственный дорожку в Москву пришлось оплачивать самим, но, поверьте, оно того стоило.

Первое впечатление от фестиваля – мне распахнула двери шикарная гостиница: Бета на Измайловском, потом на ужин нас принял ресторан «Измайловский», а на завтрак следующего дня – уже другой не менее хороший ресторан.

В первый день мы посетили культурную

арену Конвента «Герои нашего времени» и встретились с почетными гостями – вернее послушали наставления на тему того, какими нам надо быть. Это уж мы постарались.

На следующий день мы выступали на Патриарших и на Старом Арбате, где были организованы поэтические батлы. Там

мне немного взгрустнулось. Обратили на себя внимание безразличные лица жюри, которое то уходило курить, то греться, не имея даже текстов на руках – а мы читали. Хотелось найти, очень хотелось найти в толпе или среди прохожих внимательные или скорее внимающие глаза и прочитать именно для них. Было жутко холодно и мы все замерзали, видимо – жюри тоже, думается мне.

Но этот поэтический день мне все равно очень понравился. Так здорово было читать стихи близ памятника Пушкину и рядом с памятником Окуджаве в самом сердце литературной столицы. И даже если бы нас не слушал никто, дух великих поэтов был бы нам и слушателями, и судьями, и вдохновением нашим.

О нашем удобстве в условиях холодной Москвы также позаботились. К площадкам привезли по 2 белых фургончика, в которых мы грелись, обедали и пили чай. Я была там самым частым посетителем, поэтому, наверное, в отличие от других не заболела.

Вечером в гостинице прошел Творческий вечер «Городского театра поэтов», члены которого были судьями на фестивале. Ве-

чер прошел в конференц-зале «Москва» под руководством Влада Маленко и мы могли поделиться своими стихами в формате «свободного микрофона». Там я усвоила одну вещь: иногда не важно, какую пургу ты гонишь на сцене – главное КАК! Нужно погромче читать и побольше при этом раз-

шапку на пол и почитать стихи благодарным прохожим. Мы решили поискать внимания у простых прохожих.

За 20 минут ребята заработали 1300 крупными и ещё мелочью!!! Тогда у меня мелькнула мысль, что простые прохожие – самые благодарные слушатели. Поэт один, когда увидел летящую в шапку голубенькую бабочку – тысячу аж слова, бедный, забыл. И некоторые прохожие слушали нас так внимательно! Я видела, чувствовала, как люди вслушивались, сопереживали, поддерживали. А мы еще больше кричали «Браво, браво, молодец, давай еще!» И в конце концов накричали себе голубенькую купюру. К нам подходили случайные люди, спрашивали, кто мы, откуда, просились в наш круг тоже почитать стихи – просились в наш маленький поэтический мирок, который мы создали в переходе, делились своими строчками и уходили.

Наше переходное счастье длилось, однако, недолго: к нам подошли полицейские и объяснили, что в переходе стихи читать нельзя. Пришлось сворачиваться. А слушатели кричали: «Не обращай на них внимание, читай, читай!». Им понравились наши стихи.

Правда, мы сильно не расстроились: мы отправились к вагону изобретать новые идеи. Один из наших кубанских поэтов решил приветствовать каждого входящего в вагон пассажира и поставленным поэтическим голосом, перебивая электрически-неприятный голос автомата стал объявлять остановки и, дабы его труд не был бесплатным, стал собирать с нас деньги за проезд (которые сам же предварительно и раздал, но пассажиры-то об этом не знали). Поэтому наверняка дома кто-то потом рассказывал, как какие-то люди еще и деньги за проезд в метро передавали – глаза у людей, конечно, расширились. Творчество во всем – девиз поэта. Благо это было уже в первом часу ночи, людей в метро было очень мало и наше веселье никому не досаждало.

Об остальных приключениях в эту ночь история умалчивает, но лишь из-за недостатка времени. Обмолвимся только, что всё было исключительно в рамках приличия.

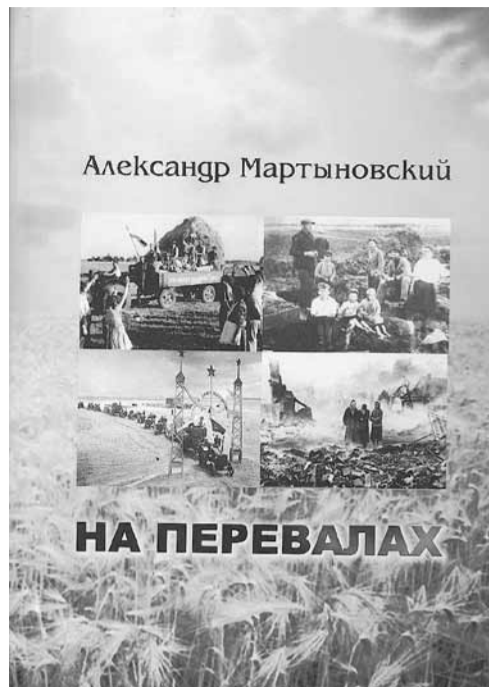
В общем и целом, фестиваль оставил бурю положительных эмоций, которая не утихает до сих пор. Я душой всё ещё там. Мы все говорили друг другу одно: «мы узнали друг друга, услышали, нас много, и мы все здесь, нам так здорово вместе!».

Людмила Мурашова,
Краснодар.

КНИЖНЫЙ МИР

ВЫБОР И ПУТЬ ДИКТУЮТСЯ СОВЕСТЬЮ

Александр Мартыновский

НА ПЕРЕВАЛАХ

Оглядывая творческий путь кубанского писателя Александра Мартыновского, нельзя не заметить, как от произведения к произведению – от «Трудного поля» к «Последней осени» – у него нарастает трагическое мироощущение, усиливается трагическое мироощущение, воплощаясь в трагедийном накале конфликтов и коллизий. Писатель устами своих героев как бы вопрошает: «Противоречия жизненного уклада обозначены – а что же дальше?». И сам же отвечает: «А дальше – думайте сами... Думайте о том каким будет уклад Отчизны и насколько вы будете его строителями, а не сторонними наблюдателями». Такая вот прелюдия к разговору о новом прозаическом сборнике А. Мартыновского «На перевалах», вышедшем совсем недавно в свет.

Открывает сборник – и главенствует в нём – роман-семейная сага «На перевалах». Это неторопливое, состоящее из переходящих друг в друга диалогов и монологов повествование, где главный герой Михаил Синев (а также его близкие и друзья) истово докапываются до самого смысла своего пребывания на земле. В прямом и переносном смысле сразу.

Конечно, с тем, как определяются в новой, социалистической, реальности герои

романа, происходит и расхождение в их среде, расхождение достаточно четкое и хорошо различимое в повествовательном полотне. При этом художественную и философскую плоть романа составляет сама движущаяся человеческая мысль – должен ли человек жить по совести (что отцами завещана) или прогнуться в угодливом поклоне перед бесноватыми реформаторами крестьянского уклада. Ее, эту мысль, как и жизнь саму, по мнению автора романа, не исчерпать четко полярными друг к другу формулами «да» и «нет».

Если же анализировать роман «На перевалах» более предметно, то стоит сказать вот о чем. Прежде всего, Мартыновский взялся за трудное в хитросплетении кружев сюжета дело – проследить без купюр и пауз жизнь человека поколения, которому стоимость коллективизации без наркоза выправляли по своему разумению кости.

Не обойдусь без сравнения. Автор словно прикрепил к плечу своего главного героя Михаила Синева видеокамеру, которая фиксирует все и вся в своей бездонной памяти. К тому же необычность этой камеры в том, что она фиксирует все его мысли и чувства, желания и страхи, взгляды и убеждения...

Это, как представляется, одно из очевидных достоинств нового произведения Александра Мартыновского – он вовсе не стремится дать беспристрастную и объективную картину этого страшно интересного времени (определение «страшно» здесь применимо в обоих смыслах). Совсем наоборот, Мартыновский подает нам этот переломный период в жизни России очень пристрасно.

...Семья Михаила Синева подпадает под молот «раскулачивания» и бежит из сибирской Рассказовки на юг. Правда Михаила с хворающей сестрой Лизой отец семейства высаживает раньше, в Кустанае. Здесь юноша устраивается слесарем в машинно-тракторную мастерскую, а его сестра учетчицей в тот же совхоз. Вроде бы это должно было стать затишьем в жизненных испытаниях их судеб. Но дыхание времени нарождающейся коллективизации леденяще, оно не жалует никого. Лиза окончательно теряет здоровье на своей – без скидок на время суток и лютый мороз – работе и тихо угасает в больнице... Наиболее пронзительно выписана, кстати, сцена в романе, когда юная

девушка на свидании с братом не сводит с него глаз – как бы прощаясь, стараясь запомнить каждую черточку лица родного человека.

Теперь – прервавшись в рассмотрении перипетий сюжета – пришло время обмолвиться о т.н. архитектонике, композиции романа. А. Мартыновский в своем предисловии пишет, что «На перевалах» – есть фрагменты повествования. Ибо разрывы сюжетной линии, и как следствие определенная недосказанность... возможно будет видна читателю... Достанет ли сил и времени закончить мне тот труд – не знаю. Но оставлять написанное среди прочих бумаг в столе не решился». Так вот, перед тем как вернуться к размышлениям о новом романе автора, скажу – правильно, что не решился, Александр Дмитриевич (так как сюжет и идейный накал романа настоящие, не сравнить с сегодняшними экзерсисами «наперсточников от литературы»); всплохи же в логике развития сюжета, которые поначалу даже воспринимаются как свежий композиционный прием, нужно, конечно, подчинить авторской воле – нет уже у вас морального права оставлять все по-прежнему несложившейся мозаикой (ожившие в нашем восприятии герои, как дети, требуют родительской заботы).

...Читая роман, следя за перипетиями судеб героев, неизбежно приходишь к осознанию того, как по ходу жизни семьи Синева растут горизонты их внутреннего мира и естественным образом меняются – что-то новое образуется во взглядах и убеждениях, а что-то, наоборот, отмирает, становится ненужным, мешающим на новом повороте судьбы. Остается неизменным одно – выбор и путь диктуются совестью. В этом, пожалуй, и есть главный смысл семейной саги Синева и достоинство литературной неклишированности романа.

Вот Михаил, переехав в кубанскую станцию Титарскую, закономерно – по труду и умению – становится главным инженером МТС. Но не превращается в бездушного «функционера» и «проводника линии партии», мерилом его поступков по-прежнему являются совесть и крестьянская правда. Таким они с женой Анной воспитывают и сына, Славика. Выросший Вячеслав, уже в послевоенное время, возвращается на Кубань и возглавляет комсомольскую ор-

ганизацию колхоза «Путь к коммунизму» в станице Кирпильской. Позади мясорубка «сталинщины», на дворе свежее дуновение «хрущевской оттепели». Казалось бы, вот оно время созидания и строительства карьеры рукастого специалиста и рожденного организатора... Но – вот уж синевская порода! – правдоруб Вячеслав на пленуме партии говорит о бесперспективности хрущевского плана по обобществлению крупного рогатого скота. В результате его директивно освобождают от занимаемой должности, как не оправдавшего доверие партии. А после искреннего написания Открытого письма Хрущеву по поводу губительности его плана «Догнать и перегнать Айову» вежливые люди в темных цивильных костюмах вообще разлучили его с семьей и свободой на долгие годы. Но вот что внушает оптимизм в финале этого повествования. Малыш Юра при расставании с отцом, чувствуя беду, заходится в плаче. «И тогда к нему подошел Вячеслав. Он взял его на руки, поднес к своему лицу и их взгляды встретились... Юра прервал плач, и его глазенки, полные слез, посветлели». Значит есть надежда, что и новое поколение Синева на крутых «перевалах судьбы» не спасует в выборе пути, где стрелка азимута – совесть.

Венчают прозаический сборник А. Мартыновского т.н. «листья памяти» – ностальгические очерки о встречах с коллегами по писательскому цеху: Хамидом Беретарем, Сергеем Хохловым, Александром Стрыгиным, Иваном Краснобрюхом. Размышления об этих очерках – уже другая история. Хотя и не совсем – с романом их объединяет родство выбора и пути по дорогам жизни, диктуемого совестью.

В заключение остается сказать совсем немного. Литература – литература подлинная – всегда тесно связана с реальным, кипящим социальными проблемами, миром. Она может знать взлеты и спады, ее конкретные достижения могут быть большими или меньшими, но живую энергию дает ей постоянная нацеленность на отображение и анализ поступков и устремлений человека, погруженного в реальную действительность. И здесь прозаический сборник Александра Мартыновского «На перевалах» – свой среди своих.

Георгий СОЛОВЬЕВ

Голоса России

БОРИС ЛУКИН

Поэт, литературный критик. Редактор-составитель Антологии современной литературы России «Наше время», Антологии русской поэзии о Великой Отечественной войне. Лауреат Большой литературной премии России. Живет в Подмоскowie.

Лауреат Большой литературной премии России. Живет в Подмоскowie.

Река, конечно, скоро стронется
во всю цепляясь в берега...
Не миновать весенней вольницы,
что воспоёт поэт в стихах,
не миновать грачей в проталинах,
скворцов снующих у летка,
веселой неминуемой тайны
зовущей – жить...
Не умирать.

ТОЛЬКО ВЕСНА

Странное в мире спокойствие.
Будто весна
свет не задела своей огнедышащей
трелью.

Тихо, привычно трамваев стучат семена,
сыпаясь на стыках...

Но искры в утробе не спеют.
Спеет равнина, клочками срывая снега.
Зреет река, возбужая рыхлистую ледью,
птицей на ветке, чей щебет по капле
стекал,
солнцем на взгорке, чей профиль
по-мартовски меден;
мною, тобой и детишками, спящими
всласть,
ждушими мира душевного,
лада
телесно-земного.
Кто это выдумал злую такую напасть
Не замечать:
по весне
нету
спасенья
иного.

ЖИЗНЬ

Ветер, говоришь...
Дышит
атомом каждым весна.
Щебет – как булка
пышный
иль игристо-пенен.
...Вина!

Облако снегом талым,
серою твердотой
напоминает старый
колодец с чёрной водой.
Землю сравнить...
И не с чем...
Забыто и выглядит так...
А впрочем:

как милая
вечность,
кормящая дитя.

Всё - таинство
понабрякшее
без умысла,
напоказ,
разломишь
и ешь
так мякишек,
скорее –
парной пока.
И нету предела щедрости
особенной в первых днях.

У вёсен беззубы челюсти.
Нет похоти –
жизнь одна!

Почти три года нет тебя... я сплю.
Ты разбуди меня моя родная.
Я вижу полную луну.
В том мире, где ты спишь, она витает?

Что там ещё? Пусть ангелы шепнут,
Когда я сплю, когда меня ты видишь...
В тот странный миг к нам тени всяки льнут.
Но в радость, ты поверь, одна твоя лишь.

Я принялся б писать о том сонет.
Но нет тебя, и темы тоже нет.
Осталась память. Радость дней. И дети.

Я понимаю. Все это – во сне.
Но сколько же должно здесь минут лет,
Пока мы этот сон просмотрим вместе.

СОНЕТ 39, ЗЕРКАЛЬНЫЙ
1.

Сонет тридцать девятый из Неруды
мне рассказал,
что жить совсем нетрудно.
Он с первых строк моим всецело стал.
Там про тебя, как будто ты – чилийка,
и бронзой кожи с местным схожа людом,
и профиль твой – ацтенки словно лик.

Я путаюсь в народностях и датах,
всё потому, что сердце жжёт утрата,
так землю зной бесплодную творит.
Увы, нет рядом нежных рук твоих.
Когда твоей заботой мир не убран,
не приготовлен расцвети по утрам,
не вздыбят вены рек судьбы туман,
не вспомнит сердце жизни аромат...

2.

Но помню я, как вымерзшую розу
теплом ты оживила рук своих,
водой живой и мёртвой напоив,
лучом с небес так солнце сходит просто.
Ты не одна, с тобой твоя семейка:
лопата, тяпка, лейка, дружно все
врачуют грядки, чтобы поскорей
цветущей зреть ожившую землюку.

Горжусь, люблю... мозолей не стесняюсь
я рук твоих... Веселой птичьей стаей,
нет, роем пчёл, вся – льнёшь к душе моей.
И чудо: камень сердца охладивший,
теплом ладоней, словно жаром вешним,
согрет, поёт: что смерти больше нет.

ЮБИЛЕЙ

ЗАЩИТА КРАСОТЫ

«Есть люди, у которых души сорваны и парят в красоте», – это М.Пришвин о гениальных В.Хлебникове, Кс.Некрасовой: сколь точно; не случайно часто вспоминают его фразу в разговорах об искусстве.

А можно парить в красоте, если душа – не сорвана, если укреплен ладом традиции? Наверное, да.

...Миниатюра Светланы Медведевой «Полю станицы Новолушковской» – прозаическая. И удивляет поэтичностью. Критики упоминали об этой черте творчества Мастера, Профессионала, чей путь отмечен восторженным признанием читателей, высокими наградами, девятью книгами, – и вот-вот порадуется ценителя десятая, «Свет воспоминаний». (Мимо нее здесь не пройти, тем более в связи с юбилеем, который Светлана Афанасьевна отметила 7 января 16-го года). В литературе ещё не было такого одухотворения поля – многогранного, пронзительно-смелого, простого:

«Поле устало и задремало. Звёздный шатёр блистал над ним. А где-то к середине ночи повеяло прохладой и смыло дрему. Поле прислушалось. Стало приглядываться и заметило, что наконец-то заволакивает, замолаживает... К утру всё вокруг потемнело настолько, что было похоже на глубокий вечер. Солнце встало давно, но пробиться сквозь тучную, почти чёрную, пелену не смогло. В самом центре небесного купола чернота сгустилась, как бы напряглась от тяжести водных струй...»

Блеснула красавицей-змежкой яркая молния, и полилась долгожданная влага... Поле облегченно вздохнуло, не успевая глотать водную россыпь. И если бы кто-то смог заметить, даже разулыбалось: зелёные ростки выйдут на свет Божий, выпустят пшеничные колосья, а там и до хлеба – рукой подать!»

Здесь всё – главное. И входит в энциклопедичный образ мира: от блистающего звёздного шатра до молнии, красавицы-змежки. И ты вслед автору паришь в красоте – небесной и такой земной.

Неповторимость музыки Медведевой и в том, как слиты красота и ее защита. Этот мотив волновал и волнует многих – чего стоят строки бессмертного Леонида Мартынова: «Мир завистников и злыдней всё ехидней, всё опасней – красота всё беззащитней, милостивей и прекрасней...». У Медведевой защита красоты своего края, его великих и малых ценностей, его державных устоев – мотив поразительных не столь давних строк. В них лирика и эпичность нераздельны:

Не отдам я врагу ни полметра
Моря Черного иль речки Белой,
Дуновенья кубанского ветра,
Позывных птахи малой, несмелой.
Не отдам Куликово поле
И в снегу сталинградские степи,
Ни крупинку поваренной соли,
Ни ребенка улыбочивый лепет...

ИМЯ РОДА

Целостный авторский мир многогранен. Поэтическое открытие в десятом сборнике – посвящение своему роду. А с ним нераздельны те, что родственны не по крови, но по сердцу. И весь мир, вошедший в открытую, но столь требовательную поэтическую душу, его предметная самобытность и настроения.

Знаменательно, что юбилейная, десятая книга юбиляра «Свет воспоминаний» посвящена роду Медведевых. Эта обращенность пронизывает родственным теплом объемную галерею светлых, сильных характеров.

Об одном из прежних произведений автора Людмила Бирюк мудро писала: «Никакие испытания не страшны пятилетней Светлане, если рядом с ней любимой, надежный старший брат Анатолий! Он – её кумир, образец для подражания, её гордость и надежная защита». И в новом сборнике лирика, пластика воссоздают могучий характер – из тех, кого именуют опорой державы. Этот родной характер сильнее оттого, что представлен в той самой широкой галерее доброты:

«Старший брат»

Встречались мне на моём жизненном пути и на судьбинных перекрёстках добрые,

отзывчивые и сострадательные люди. Кто-то помог выбраться из глубокого заснеженного оврага. Другой вытирал мои горькие слёзы в трудный горячий час, учительница Елена Александровна однажды просто накормила меня горячим супом с чёрным хлебом, Ольга Валентиновна предложила кров над головой... Более шестидесяти лет шагал рядом, даже если уезжал далеко-далеко, удивительный человек, родная кровинушка, мой старший брат Анатолий. Это он помогал маме пеленать меня в 1941 году, а потом со мной на руках прятался в

кукурузных зарослях, а мама наша прикрывала собою нас во время налётов фашистской авиации близ Гудермеса и Грозного. Конечно, я узнала обо всём спустя годы по рассказам многого брата: «Нас мама собою прикрывала, а папа – страну в лихолетье». Брат был старше, всегда опережал меня на две семёрки.

Светлой памяти
моего любимого брата
Анатолия-свет-Афанасьевича

Любил серединкой арбуза
Мой брат угощать всю семью,
Крепя тем семейные узы
Без громких слов –
«Я вас люблю!».
Смешил нас весёлой загадкой,
Что мы отгадать не могли.
О! Жизни волшебной
миг сладкий –
Его не вернуть, не продлить.
12.08.2015.

Смелость поэта – коснуться необратимого времени. И над брэнностью бытия торжествует тепло бессмертного чувства, и так современно звучит древнее «свет» в обращении к адресату-брату. Медведевы-родители, бабушка, внуки – каждый узнаваем, озарён образной силой поэтической души. Каждый – в повседневных, отчасти судьбоносных эпизодах. Вот племянник Дима, совсем малыш, сражается с опасной болезнью:

«Всё своё свободное время посвящала племяннику и дочка Надежды и Афанасия. Учила Димулю говорить, сказки рассказывала, играла: то в зайку, то в ладушки, то в синичку, то в медведя, то в шмеля. А вечером пела колыбельные, на ходу и по ходу ситуации придумывая: «Спи, мой Дима дорогой. Дружит ночка с темнотой. Звёзды на небе видны. Спят коровы и слоны. Птицы дремлют и цветы. Засыпай скорей и ты. Баю-баюшки-баю, песню снова я спою». Осень в том году выдалась сырая: то дождь со снегом выпадает на ещё зеленеющую траву, то ветер бушует и деревьям, и кустам покоя не даёт. Недосмотрели. Захворал Дима. Температура поползла стремительно вверх. Поили мальчика жаропонижающим отваром, растирали спинку и ручки-ножки, охлаждали горячий лобик прохладной водой... Вызвали «Скорую». Тётя носила

родную кровинку на руках и видела, что состояние ребёнка ухудшается с каждой минутой...»

Драматизм повествования особенно силен, потому что читатель уже знает: в войну семья пережила тяжкие утраты. И сколь радостно спасение Димы, представленное художником трогательно и точно...

И автор не была б собой, если б не обограла слово, что легло в основу фамилии:

Медведь
Не отдаст медведь свою тайгу
И лежанку, значит, не уступит.
Он – хозяин летом и в пургу,
Чужака и встретит, и отлупит.
Посадить себя на цепь не даст...

Игра словом может творить и поэзию любви в прозаических строках – как в одном из украшений нового сборника, «Письме любимой»: Дорогая моя Светолика! Пишу тебе мысленно эти строки, стоя на капитанском мостике в далёком Тихом океане... Хочу каким-то особенным образом поздравить тебя, Светозара моя, с наступающей весной и, значит, с Женским днём 8 Марта...»

Вот в бабочке, символе почти безграничной широты, муза художника открывает особенно сокровенные мотивы:

Бабочка
Как-то ночью слышу шорох, --
Бабочка ночная
Между двух оконных створок
Грустная летает.
Видно, в форточку влетела,
Путь назад забыла.
Я летунью пожалела
И окно открыла...

Бабочка-любовь
Бабочкой села любовь на плечо.
Боязно стало мне и горячо.
«Да, всё могу!» -- прошептала я вдруг,
Словно раздвинула жизненный круг.

В простоте иного символа, камня – современная мудрость веков. И вновь ее творит послушное истинному мастеру, особое двуединство прозы и стиха:

«Камни»
Камница я, камнелюба. Их собираю...

Наверно, сроки минули разбрасывать камень...
Но камни не покинули меня в моих сонных снах.
Я – камница обычная. Я камни собираю,
Искать мне так привычно их, по камню
я гадаю...

МУЗЫКА ДУШИ

«Словно музыка», – скажет кто-то о последней строфе. «Это не удивительно, – вновь вспомним строки Л.Бирюк о Медведевой, – ведь она – талантливая певица, обладающая, как говорят знатоки, «хрустальным сопрано». Музыка она слышит всюду: в шуме дождя, в раскатах грома... Но особенные незабываемые мелодии создает «семейная музыка» – «музыка сердечных ритмов, светлой радости, чёрной печали, гнева и тихого прощения»... Читая прозу Светланы Медведевой, мы невольно задумываемся о том, как много музыки и жизненной силы в нашем русском языке».

...Не менее интересна мелодия потерь и... согретой души:

Все время я что-то теряю: То сон, То мечту, То строку.
Старалась, наверное, зря я Побольше успеть на веку...

От каждой потери болею, Седеет не первая прядь.

Одно только Душу и греет: Пока еще есть что терять.

Раз греет душу – значит, потери нераздельны с обретением.

Перу женскому мужество присуще органично – мужество этики, эстетики, пластики.

И здесь – тоже открытия. Кто, кроме Медведевой, воздал должное прекрасному кубанскому поэту Евгению Тищенко, не столь давно зверски убитому нелюдьми. В ряду с его судьбой – трагедия гибели замысла, представшая в миниатюре под названием «Урок» – запредельно красноречивым, безмерно точным, как сама его ткань.

«Жил на свете кубанский писатель. Он немало поэм сочинил. И стояли в шкафу фолианты, на которые автор глядел. Время шло. Стал он видеть всё хуже. Слепота наступила, как ночь.»

– Стар я стал... – как-то молвил он тихо. Отправляться в путь дальний пора, но ещё силы есть для романа. Лучше всех моих книг будет он. ...

...Где роман? Дети тут объяснили: – Наш отец был больным и слепым. Чтоб не брызгал чернила на стены и не пачкал ковёр и тахту, мы в чернильницу... воду, лишь воду подливали ему целый год.

От добра-то добра ведь не ищут. И талант разглядеть нелегко. Кто богат, чем и как бессердечен? Кто слепец, а кто – зрячий, хоть слеп?»

Вопросы таковы, что сильнее, вернее любого лобового ответа. В них вопреки всему – надежда. И вопрошание становится у Медведевой духовной почвой той жертвенности, что неотделима от истинного творчества:

«Вы бы взяли спросили, как живётся поэту»

И зимою метельной он лепечет росточки
Красоты неподдельной в ненаписанной
строчке.

О болезнях и бедах и державы, и близких
Он не может не ведать, не уходит от
риска...

... Нагота чуть прикрыта, и поэт уж до-
волен –
Пусть не кормится сыто, он певец, он и
воин.

И в такой ипостаси, отлучённый от неги,
Поэтически страстен на крутом жизни
береге.

На просторах российских
словом русским согрет он.

Вы бы взяли спросили, как живётся по-
эту!»

Вопрос-восклицание – открытый итог. И веет от него неистощимыми силами души, неиссякаемыми светлыми мелодиями, настроениями, картинами. Неисчерпаемостью таланта Светланы Медведевой.

Когда в 2015-м Сергей Чупринин, одна из икон критики, написал, что российская поэзия никогда не была так велика и обильна, как нынче, – это и верно, и нет... Но безмерность талантов обещает доброе настоящее и будущее русской литературе. И её могучей ветви – прозе и поэзии нашего края.

Игорь Темин

ЮБИЛЕЙ

Светлана
Медведева

Код

С душой, открытой нараспашку, я
Иду по жизни и пою,
Борюсь с нелепыми промашками,
Их нескончаемость терплю.

Мне не нужны в судьбе овации.
Твержу открыто, не тайком:
Владею кодом русской нации –
Её великим языком.

Мой мир

Как мир жесток!
Как люди равнодушны!
От этих строк
Мне сумрачно и душно.
Я к свету рвусь.
Что значу я без света?
Твержу: «Не трусь!
Вперёд!»
Стою на этом.
Русина я.
Дух моря рядом дремлет.
Русачка я
Мансуровской деревни.

Слабые и сильные

Живут обидой слабые.
Прощать умеют сильные,
Увенчанные славою,
Поступками красивыми.
И слабые пытаются
На сильных быть похожими,
На общий пир слетаются,
Душою растревожены.

Есть приторность у сладости.
Синь – в сизости и сивости.
Как сила есть у слабого,
Так слабость есть у сильного.

Вершины

Я долго шла к своей вершине
То мелким шагом, то аршинным.
И вот вершина подо мною,
Над нами небо голубое...
Вершину новую я вижу.
За ней повыше... и другую.
Достичь их мной желанье движет,
И я ликую, вновь ликую...

Жизнь – золотая бесконечность
Вершин,
Ведущих прямо в вечность.

Точка

Нами пройдена уже
Точка пересечения
На судьбинном вираже
В золотом сечении.

Есть мой путь и есть твой путь,
И нам никак не верится,
Что назад не повернуть
И никогда не встретиться.

Вьюга

Белогривая вьюга пришла в гости к нам,
Белизною обидела темень,
Разбросала пух белый по хмурым холмам,
В шаль укутала голые степи.
Побелила деревья, дома, а дворы
Снегом белым заполонила
И от звонких рождественских игр детворы,
Что завьюжить еще, позабыла!

Баллада о Трёх

И. Бехер
(перевод с немецкого
Светланы Медведевой)

Он матери сказал:
«Ну, выбирай.
Три сына у тебя. Свободу дай
Ты одному сама».
А мать в ответ: «Нет!
Три сына у меня есть. Да!
И будут три на все года!».
Каратель ухмыльнулся
криво вдруг:

«Троих тогда мы расстреляем...
Пух!»
На стон и крик сорвалась мать:
«Двоих! Родных!
Дать расстрелять?!» –
«Так. Только так.
Никак иначе».
Застыла женщина. Не плачет...
Да, одного за двух.
Она решилась.
Чтоб жил один –
Двоих за эту «милость»...
Раздался залп. Упали двое.
Бывает в жизни и такое.
Страшней на свете нет печали!

Фашист вскричал:
«Теперь едва ли
До часа смертного
найдется сила,
Которая б тебя освободила
От мысли, что ты в этот миг
Сама убила сыновей своих!»
И выдохнула мать
живому сыну:
«Не будет горше
у меня поминок.
Троих вас
больше живота любя,
Прости, мой сын,
что выбрала тебя...».

Свет

Кто видел: как стихи сгорают?
Огонь глотает их легко.
Что вдохновенно, высоко
В ничто уходит, так бывает.

Огонь поёт, гудит, смеётся:
«Смотрите – вот, мол, я – каков!»
Вдруг угасает.
Нет стихов.
И змейкой, чёрным пеплом вьётся.
Жизнь удивляет ежечасно.
Но для того живёт поэт, –
Значеньем слова сам согрет,
Других он греет не напрасно,
Чтоб кто-то через много лет
Тепло почувствовал и свет.

Медведь

Не отдаст медведь свою тайгу
И лежанку, значит, не уступит.
Он – хозяин летом и в пургу,

Чужака и встретит, и отлупит.
Посадить себя на цепь не даст,
Разве только в цирке медвежонком,
Взрослым грозно он откроет пасть
Перед тигром или же мышонком.
Пусть с добром приходят в лес к нему, –
Хватит ягод с мёдом, вод проточных.
Кто затеет злую кутерьму,
На орехи тот получит точно.

Странный сон

Странный сон приснился
Мне в начале лета:
Снег, как дождь пролился
И звенел при этом.

Белка в тюбетейке
И в калошах чирик
Пили мед из лейки.
А на них пес Рыжик
В шортиках из ситца
Лаял с ветхой бочки,
И в очках синица
Штопала носочки.

Куры в телогрейках,
Гуси в майках пестрых
Счет вели копейкам
На колючках острых.

Чайки плыли стаей
В ярких брызгах света.
Странными бывают
Сны в начале лета...

Музыка

«О, музыка!
Ты пища для любви!»
Сказал Шекспир уверенно
когда-то.
Ты можешь и убить,
и вдохновить
Идущего на подвиги солдата.
И кто с тобою встретился
хоть раз
И просветлел от песни
материнской,
Тот в самый горький свой
последний час
Богат и полон силы исполинской!

Надежды

Маму Пушкина звали Надежной,
И мою маму тоже так звали.
Обе мамы питали надежду,
Чтобы дети достойными стали.
Для семьи и России великой
Чтобы песни писали и сказки,
И чужой боли в сердце толику
Почитали своей без огласки.
Тропы разные выбрали дети,
Не покинув родимого крова.
Оказался путь каждого – светел.
Полнит их души русское слово.

Я – советский человек

Среди казахов я была своей,
В Тбилиси не чужой и в Ереване,
И украинский лип ко мне репей,
Когда веноч плела я на поляне.
А родилась я русской на земле,
И мама с папой из-под Курска были.
И корень белорусский есть в семье.
Балкарские читала в детстве были.
Сочувствуя, содействуя, собрат,
Я верила: согреет и накормит.
Своя среди своих – мне каждый рад,
Совет и совесть одного ведь корня.

Привычное понятие тех лет,
Родное и сейчас – народ советский, –
Несет в себе неугасимый свет.
Как прежде, слышу горн мой пионерский.
Любой хороший человек мне – друг,
Со мной всё человечество – из детства.
И чтоб ни говорили мне вокруг, –
Покину жизнь я всё-таки... советской.

Сонет

Памяти Евгения Примакова

Давить в себе раба – наука,
Сложней которой не найти.
Мешает двигаться в пути
Сомнений тягостная мука.

Зачем за честь сражаться стойко?
Зачем трудом тревожить лень?
Намного легче целый день
Не подниматься с мягкой койки.

Превозмогать себя годами,
Давить в себе то рабский стон,
То раболепия поклон
Врагу, поддавшись на татами...

Как жить в судьбе на самом деле,
Чтоб душу путы не одели?!
12.08.2015.

Время

Сверкает гранями кристалл,
Растёт как будто.
Сегодня кто-то рано встал,
Настало утро.
Глядишь и вечер наступил.
И старость ближе:
Заметней с кольцами распил
И груз верижный...

Сама в себе

Лимит на промахи исчерпан –
Давно не восемнадцать лет.
Зигзагами путь не исчерчен.
Прямой.
Один.
Другого нет.
Иду вперёд, но буераки
Ещё встречаются в судьбе.
Могу и плакать, и не плакать,
Но всё в себе, сама в себе.

Истина

Искала долго. Годы. К ней пришла.
Ура! Я истину нашла!
Что делать с ней не знаю.
Любуюсь ею, взглядами ласкою.
Кладу в сундук с увесистым замком
На память правнукам,
пришедшим в дом.
Однажды вынул истину из сундука,
(Её туда упрятала моя рука),
Воскликнет внук:
«Истину нашёл!»
Но жаль, я к истине недолго шёл.
Подумаешь, всего-то пять шагов!
Лет двадцать пять идти я к ней готов,
И биться, за неё сражаться,
В движении преображаться...».
Представив это, я загрустила
И... истину на волю отпустила!

ПРОЗА

Валерий Миронов

Город, которого нет!

(Рассказ)

Я держал в руках командировочное удостоверение, по которому предписывалось ехать в Саратов, и размышлял. Бог предлагал случай побывать в городе Вольске, где я родился много лет назад. Меня охватили трепетное ожидание и радость сбывающейся мечты.

Вначале декабря охотников путешествовать по стране было немного. Поезд пришёл вовремя, я устроился на нижней полке. Снежный покров белыми полосками начал появляться после Волгограда, далее намет нарастал сугробами, сосульками и наледями. Рано утром я прибыл в Саратов. Повестка первого дня была наполнена ознакомительными семинарами, основная работа начиналась на другой день. Появилась уверенность, что смогу съездить в родной город за один день без ущерба для работы. Ехать решил на поезде, чтобы не нарваться на гололёд.

Сидячие места вагона не загромождали панорамный обзор. Рассвело, белая равнина, изрезанная оврагами, расстилалась за окном на многие километры. Временами на стеклянных экранах вагонных окон возникали рожи и лесные полосы, заросшие голыми серыми деревьями. Иногда заросли приближались к железнодорожной насыпи, корявые и ветхие, словно стеклянный дождь обломал ветки, которые упали на землю и лежат уже много лет.

Я дремал и просыпался, казалось, прошлое и настоящее соединились, и я, отрок, еду по железке, к любимой бабушке и деду. Пребывая в бодром настроении, понимал, что время пролетело; я уже сам дед и моя внучка не верит, что, когда-то я был пацаном, катался на санках, лыжах и коньках по узким улицам Вольска.

Вокзал. Таксисты, пронирыливые, как и в Краснодаре, предлагают домчать с ветерком, убеждаюсь, гололёда нет, выбираю с виду опытного водилу.

– В центр 200 рублей!

– Не многовато? – торгуюсь я.

– Красная цена!

И мы несёмся по сухой, вполне приличной дороге, по краям которой сугробы сероватого улежавшегося снега.

– Довезите меня до театра! Надеюсь, его построили?

– Я сам здесь живу десять лет, – сообщил таксист. – При мне он уже работал.

Въехали в центр города, машину начало потряхивать, колёса юзили и буксовали, скорость снизилась, я ничего не узнавал, хотя старался зацепиться за какую-то примету, которая должна была остаться в голове.

– Приехали! – объявил водитель, отсчитывая сдачу с пятисот рублей.

– А где автовокзал? – спросил я рассеянно, понимая, что вряд ли задержусь в этом городе,

– По этой улице вниз, – водитель махнул рукой, показывая направление.

Я вышел, не осознавая, где нахожусь. Здание театра высилось передо мной, но я никак не мог понять в какую сторону идти, чтобы окунуться в город, который словно из детских кубиков был сложен в моей го-

лове. Обогнул театр и вышел на площадь, иллюстрация стала сходиться с картиной, которая хранилась в глубине памяти. На меня наваливался торговый центр, вокруг которого хороводом стояли фургоны, торгующие всякой всячиной, а рядом волнами расходились очереди. На витринах развалы колбас и сыров, но покупатели выбирали, что подешевле. Торговый центр – это он и был долгостроем, который запомнился, как строящийся театр, но, видать, новоявленный инвестор решил построить только торговое предприятие, а театр приютили в другом помещении. Старинные здания на площади сохранились хорошо, мне пришло в голову, что если я выйду на берег Волги, то легко определюсь со своим местонахождением. Сквер позади торгового центра показался мне знакомым, я двинулся вдоль железной оградой, прошёл несколько метров, впереди заблестела вода.

– Волга! – подумал я с волнением. В голове появилась картинка бурно кипящего берега, к которому лепились громадные дебаркадеры, а к ним причаливали корабли, буксиры и баржи. Я застал колёсные паромы, которые курсировали по Волге. Стоя на пустынном берегу, когда-то оживленного причала, я с удивлением увидел диких уток, которые заполнили как фарватер, так и прибрежную полосу.

В моей памяти правый берег Волги был застроен базами, которые поддерживали причальный комплекс в работоспособном состоянии. Куда делись множество моторных лодок, которые сновали между баржами, подвозя рыбу и мелкие грузы? Волга так же широка, как и в детстве. На горизонте виднелся левый берег, горы правого берега, расположенные вверх по течению, обрывались в воду с той же самой высоты, но что-то основательно изменилось.

Я шёл, размышляя. Очередная улица спускалась к реке; это был Бульвар – так мой дед называл главную улицу родного города. Я не ошибся: справа, в старинном купеческом доме, расположилась детская школа искусства, а чуть выше краеведческий музей. Картина воспоминаний совпала с иллюстрацией, которая раскинулась перед глазами. Теперь я всё найду.

Заснеженный город становился роднее и ближе. Ни одно старинное здание не было разрушено, но аляповатая реклама, смазывала впечатление от архитектурного замысла. Здание книжного магазина, тогда он назывался «КОГИЗ», превратилось в «Магнит». Напротив – моя первая библиотека, куда я записался за книгами «Путешествие Гулливера» и «Приключения Буратино». Кинотеатр имени Урицкого был на реставрации, но барельеф названия виднелся на фасаде.

Впереди привлекал внимание величественный, золотоглавый храм. Его в моей памяти не было, хотя бабушка водила меня в церковь по праздникам. Храм оказался на площади Свободы, он огорожен причудливой металлической оградой, перед входом стоит женщина синеватого вида, протянула руку для милостыни, но я не воспламенился состраданием.

Внимательно читаю: «Храм Троицы Живоначальной, в 2009 г. собор вновь был возведен на своем историческом месте». Его разрушили большевики, поэтому он не существует в детской памяти. Вхожу, ставлю свечи за здоровье, за упокой, с благодарностью присаживаюсь на удобную скамейку, чтобы дать отдохнуть скрипучим суставам. На выходе синевагая женщина уже не тянет руку, но во мне проснулись смирение и сочувствие.

– Кто сказал, что она не страдает? – пролетело в голове, – Она мучается больше чем кто-либо, поклонись её страданию!

Подвиг поклонения оказался мне не по силам, но денежную купюру я ей подал. Сердце шалось печалью и тоской, что-то

похожее на рыдание дрогнуло во мне и остановилось на выдохе. Я продолжил движение. С правой стороны от собора – колледж музыкальных искусств, с левой – красная пожарная каланча. Она оказалась намного ниже собора и ниже образа, который остался в моей памяти, воистину, в восемь лет деревья, здания и столбы казались намного выше, чем сейчас. А вот и парк моего детства, перед ним помещение с колоннами: «Центр досуга молодёжи». Вхожу в ворота, ко мне бежит лохматая собака и рычит.

– Не рычи на меня, пожалуйста, – говорю спокойно. – Я тебя не трогаю, и ты на меня не лай.

Пёс успокаивается и отходит к конуре. Да, это парк моего детства, аттракционы разрушены, на месте каруселей, горки и шалтай-болтаев рваные металлические остовы и ржавая арматура.

– Детям здесь делать нечего, – подумало мне.

Узнаю здание тира. Вспомнил первые опыты удачной стрельбы, до сих пор этот вид спорта для меня привлекателен, но пострелять не удаётся – закрыто. Грустные воспоминания овладевают мной.

– Что произошло за шестьдесят лет? Мы стали черствее?

Снимаю перчатку, стряхиваю снег с лавочки, сажусь и стараюсь поймать энергетику места, где протекали мои детские дни. Замечаю, что нет столетнего дуба, который толстыми ветками раскидисто покрывал четверть сада, вокруг его ствола многоугольником стояли скамейки.

– Неужели спилили? Шестьдесят лет для дуба оказались губительными? Или решили омолодить растительность?

Пора было подниматься. Напротив парка – моя родная школа, так и есть, никуда не делась. Прохожу мимо... Перемена, выбегают трое пацанов, лет по двенадцать, и бегут во двор, где в детстве располагался приусадебный участок, на котором мы выращивали овощи, цветы и даже маки, что в настоящее время является преступлением. Троица под навесом пытается закурить, но, увидев меня, прячет сигареты. Говорю негромко: «Ребята, зря вы сжигаете собственное здоровье». Они молча пережидают, когда отойду. Знаю, что будут курить, но они не заартачились, это меня радует. В городе, где живу, за такое замечание можно здорово схлопотать, здесь ещё стесняются.

На пути дом, где жила девочка, в которую был влюблён, двухэтажное, кирпичное здание обветшало. Парадный подъезд заложен кирпичом, кто-то расширил собственную жилплощадь.

– Да, вход в детство замурован! – грустно подумалось мне. Вспомнил, как потел и страдал в подъезде перед тем, как постучать и войти на день рождения к Наташе, с букетиком гвоздик.

Из соседнего дома вышла женщина, заперла калитку, посмотрела на меня, ключ бросила в широкую щель почтового ящика и спокойно прошла мимо.

– Доверяет, или в доме воровать нечего? – иронично подумал я. А вот и развилка с «собачьими воротами», так в детстве называли столб линии электропередач с подпорой. «Собачьи ворота» на месте, столбы новые, железобетонные, переламываю суеверие и ступаю в арку. Справа сплошной забор, заглядываю за край, вижу овраг, в котором журчит река.

– Это Малыковка, совсем рядом мой дом, – подумал я и бодро двинулся вперёд.

Поворот направо, что-то заволновало в душе, рядом родник Красный крест. Вверх по улице мой дом? Иду медленно, снег слежался, в любой момент могу оказаться в сугробе, вокруг ни души. Поднимаюсь на уровень поперечной улицы.

На углу ветхий, деревянный двухэтажный дом.

– Это моя улица, почему она такая узкая

и короткая?

Обочина заляпана грязью, серый сугроб, высокий, осторожно выхожу на проезжую часть.

– Улица Силикатная... Да, моя родная улица, – уберствую шаг.

Дом стоит на месте, но я его едва узнаю. Ворота, которые были сделаны из теса, каждая доска выстругана и подогнана, завалились. Пытаюсь войти во двор. Изумление, сходное с испугом. То, что дед называл низом, а это был утеплённый подвал, в котором он на зиму прятал пчёл, был полностью разрушен. Где бесконечная ширина двора, который в детстве казался полем битвы или снежной пустыней, когда сильный бурян заносил двор по самые окна? Мы с дедом брали лопаты и прокапывали проход от хлева до калитки, получалась рукотворная пещера, не лабиринт конечно, но высокий длинный сугроб позволял покорять снежный перевал, не выходя со двора, по нескольким раз в день. Крыльцо, которое казалось высоким (под ним жил мой любимый пёс Мальчик), покосилось и провалилось.

Чувство одиночества, запущенности, потерянности пронзили меня. Вот амбразура в чулан, а вот оконце над русской печью, рваное железо топорщится на гнилых стропилах, всё подтверждает, что я пришёл в дом своего детства, но откуда тревога и безысходная печаль?

Когда-то шумная улица вымерла, никто не катается на санках, лыжах и коньках. В эмоциональном порыве я решил подняться по улице вверх, может кого-то встречу.

– Зачем тебе это? – протестовал внутренний голос. – Твоим сверстникам давно за шестьдесят! Взрослые вымерли, их дети уехали за счастьем в другие города и страны. Ты сам себя не видишь на этой улице, хотя прошёл через «Собачьи ворота». Зачем ты сюда пришёл?

Эти странные вопросы роились в голове, они цепляли за живое, я протестовал, но понимал, происходит продолжение моего запроса в архив по поводу помощи в отыскании родовых корней. Множество родственников затерялись в застенках и лагерях сталинского режима, я знаю, они родились и жили в этом городе более сотни лет. Архив ответил, что такими делами не занимается...

Я стою перед родовым домом, который моя мама покинула много лет назад, уехав по распределению после окончания пищевого техникума и обустроилась в другом городе. После смерти родителей продала наследство. Я и сам не знаю, зачем сюда приехал. Убедиться, что дом существует, и время стирает следы существования человека? Я помню своих стариков, поэтому они живы независимо от того, где они жили, и куда меня занесла судьба. Постоял, помолчал, отдавая долг памяти, повернул назад, понимая, что моя миссия окончена.

Возвращаюсь, вниз, на перекрёстке стоят двое мужчин бомжеватого вида. Обратился к Богу, чтобы они не просили у меня денег, не потому что мне жаль подать им пару червонцев. Я вспомнил, что в детстве, на этой улице алкоголиков не было. На свадьбы, дни рождения или праздники, взрослые пили бражку, танцевали и пели народные песни.

– Сейчас появится третий, – подумал я, и он появился, как из подворотни. Троица зажеликулировала, отвлекаясь от меня. Я двинулся вниз, продолжая наблюдать боковым зрением. Да, так и случилось: один из троючков бежал в ближайший дом.

– За самогоном, – подумал я.

Через пару часов я ехал в маршрутке в Саратов. Дорога действительно была отличная, но движение было в один ряд, из-за этого приходилось плестись в хвосте колонны из длинномеров и грузовиков. Но всё кончается, закончилось и моё путешествие.

Прощай город детства, которого нет!

ПОЭЗИЯ

ПОЗДРАВЛЯЕМ ОРЛОВСКУЮ ПИСАТЕЛЬСКУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ С 55-ЛЕТИЕМ!

Ирина СЕМЁНОВА

* * *

Тяжелы морозы и снега –
В сельский дом никак не доберусь...
Помню лето, помню берега,
Где крещалась Киевская Русь,
Где победу праздновал Богдан,
Ус казачий люлькой теребя.
Днепр, отец наш, русский Иордан,
Я в Смоленске встретила тебя.
Там прозрачен ты и не глубок,
Но вдвойне преображая вид,
Под собором, застязчим Восток,
Отраженье рябь твоя дробит.
В том соборе кованы полы –
Швед, француз топтал их и поляк,
В нём пожары видели орлы,
Что слетались к битвам на полях.
Не с того ль кричат колокола,
Что огнём сверкая на лету,
До сих пор летит сюда стрела,
Чтоб его низринуть высоту?
Но душа под бременем веков
Не забыла древнего врага,
Десяти столетий вес таков,
Что легки морозы и снега.

* * *

Не с истиной ли богоданной,
С древнейшим именем Иисус,
Андрей, апостол Первозванный
Пришёл на Киевскую Русь?
Пленённый видом панорамы,
Над ней заметив горний луч,
Он предсказал, что будут храмы
Сиять поверх днепровских круч.
И всё же вновь клянёт фанатик
Из недр языческой грязи
Священный Днепр, соборный аттик
И ослепительный Крещатик,
Как путь крещения Руси.
Но дух предания не вымер,
Сияет Лаврой круч гряда –
Здесь в небо крест вознёс Владимир
И не опустит никогда.

* * *

Солнце летит, обжигая глаза мне,
Мчатся строенья, мелькают ограды,
Словно изваяны в мраморном камне
Снежные крепости вдоль автострады.
Злитесь водитель, ему не до шуток –
Просто ль на скорости мелочью звякать?
У обгоняющих быстрых маршруток
Влажно шуршит под колёсами слякоть...

Помню, как форт, в озарённой долине
Замок австрийский, а может быть, поль-
ский,

Дымку, возвышенность, дуб на вершине –
Каменец, как мне сказали, Подольский.
Долго тянулась вдоль пыльной дороги
Панская западная Украина –
Вешних Карпат золотые отроги,
Львов, Черновицы, окрестность Хотина.
Как доходили сюда агаряне,
Церкви сжигая, как свечи из воска?
Штурмом взяло, наступая, при Анне
Крепость Хотинскую русское войско.
Так же ли нынче стенания ветра
Слышат предгорья, леса Буковины?
Русскою кровью пропитана щедро,
Кровной сестрой ты была, Украина!

* * *

Пирамидальных тополей
Ночные свечи – дух Украины.
Полёт луны поверх аллей,
Необозримый и бескрайний.

Татарский хан, турецкий шах,
Ксендзы с кварцными войсками –
То век семнадцатый в ушах
Гремит казацкими клинками.

Штурмуют крепость, жгут мосты...
Украина, воли цвет багряный
Ты помнишь?
Иль стыдишься ты
Побед Зиновия Богдана?

Иль время грозное долит,
А ты, пригретая элитой,
Всего лишь немощный банит*
Под новой Речью Посполитой.

С того ль с небес летит ко мне
Покров Оранты византийский,
И гетман мчится на коне,
Сорвавшись с площади Софийской.

* банит – человек, лишённый прав
(польск.-укр.)

* * *

Почтив святыню, чуда не проси,
Перед чужим забудь поклон холопа,
Начало вспомни Киевской Руси,
Когда была единой вся Европа.

Когда был замкнут Галльский феодал
И не дружны князья под Ярославом,
Что мудро в горсть уделы собирал
И был родней трём западным державам.

Когда он Лавру вздумал созидать,
Горы лесистой изукрасив темя,
Чтоб над Законом встала Благодать
И освятила будущее время.

Он поднял к небу просвещения перст,
Легко латынь и греков разумея,
Когда король в Париже ставил крест,
Свое означить имя не умея.

Здесь, расцветая, царствовал глагол,
Здесь подвигались летописей глыбы
И не пройди по Киеву монгол,
Пути Руси иными быть могли бы.

Но, чтобы веру в истине сберечь,
Предотвратить латинские подкопы,
Бог опустил на Русь монгольский меч,
Чтоб нас отсечь от Западной Европы.

И, начертав нам знаки на челе,
Повёл путём смиряющим и узким
И время дал последнее земле,
Быть может, с тем, чтоб время стало
русским.

Андрей ФРОЛОВ

ПИРОГИ

В доме пахнет пирогами.
В доме чисто вымыт пол.
Я давно хожу кругами,
Глядя искоса на стол.

Там укутан в покрывало
Хлопотливый мамин труд.
Уходя, она сказала:
– Не таскайте,
пусть дойдут...

Но какой же запах вкусный!
И с самим собой в борьбе,
Я ташу: сестре – с капустой,
С мясом – папе и себе...

Мама громко нас ругает,
Отводя смешливый взгляд.
Если пахнет пирогами,
Значит в доме мир и лад!

* * *

Линялый август...
Встать до солнца,
Когда ещё в ознобе сад,
И пересуды у колодца
Вчерашние ещё висят;
Набросив – так, на всякий случай, –
Хрустя антоновкой пахучей,
Пробраться мимо спящих хат
За край села, где по-над лугом
Туман раскинулся ковром;
Брести в нём, влажном и упругом,
На колокольчики коров;
Ступить в дымящуюся реку
И плыть заре наперерез...
Каких же нужно человеку,
Помимо этого, чудес?

ХОЗЯЙКА ЯБЛОНЕВОГО САДА

Много яблок по деревне.
Только знают пацаны,
Что у бабушки Андревны –
Просто диво, как вкусны!

И поэтому, наверно,
Успевает только треть
Урожая у Андревны
Окончательно созреть.

Шибко сердится Андревна –
Мол, коту под хвост труды, –
Собирая на варенье
Уцелевшие плоды.

И который год, не знаю,
Всё стращает пацану:
– Вот уж, кого споймаю –
Ухи-т начисто сорву!..

А потом вздыхает глухо
И, беседуя со мной,
Говорит:
– Дурна старуха –
Нешто слопать всё одной?

СТОРОЖ

Десять лет колхоза нету,
Сад давно уже ничей.
Сторож ходит до рассвета,
Он привык не спать ночей.

В ширину – шагов сто двадцать,
Двести семьдесят – в длину.
Он не может отвлекаться
На бездельницу луну.

Перекурит за избушкой,
Пристегнув себя к ружью,
И пугает колотушкой
Тень горбатую свою.

* * *

В период коротких закатов
Кусается злее недуг.
Туман под деревьями матов,
А воздух холодный – упруг.

Ночная тревожная птица
Клянёт ледяную росу...
И очень легко заблудиться
В себе, как в дремучем лесу.

* * *

Всю-то жизнь мой отец слесарил,
Почитая свой труд за честь.
Под руками его плясали
Все металлы, что в мире есть.
Размечал заготовки, резал
И паял, и клепал – за грош.
И шутил:
– Я тебе из железа
Чёрта сделаю, если хошь...

А теперь, как его не стало,
Прихожу я с вопросом:
– Бать,
Из какого, скажи, металла
Мне для сердца броню склепать?
Слишком много на нём отметин –
Так болит, что уж мочи нет...

Прошуршал над погостом ветер
И принёс мне отцов ответ:
– Ты, сынок, только с виду умный,
А на деле – совсем дурак.
Тех, кто ходит с плитой чугунной
Вместо сердца, полно и так.
Ты подумай-ка головою:
С железкой в груди ты б смог?
А болит... Знать, оно живое,
И ты этим гордишься, сынок...

Елена МАШУКОВА

* * *

Наши тайны наивны.
Одинаково светит
Солнце робким и сильным.
Мы всегда Божьи дети.

И в лукавой гордыне,
И в лишенях, гонимы,
Мы, слепые, седые,
Всё же кем-то любимы.

А за что – неизвестно.
И как будто случайна
В суете поднебесной
Эта светлая тайна.

* * *

Простота не хуже воровства.
Красота не лучше благородства.
Чистота тетрадного листа
И листа кленового сиротство
Совершенной Книги Перемен,
Завершённой круга постоянства.
На берегах небесных Ойкумен
Спят в песчинках эры и пространства.
Выплеснуты, только дайте срок,
Первый крик и скорбная молитва,
Ложь глупца и праведная битва,
И живой в лампаде мотылёк.

* * *

Белый камешек с Края Земли
Согласился стать талисманом.
Бьётся сердце его океаном,
А по венам бегут корабли.
Неприметный, у всех на виду,
Он таким переполнен светом,
Что легко морскую звезду
Превращает в звезду-планету.
Он такие дарует сны
И такие напевы помнит,
Что весенним вихрем наполнит
Вдох и выдох каждой струны.
На разломах небесных плит
Он любую беду переспорит.
Ждёт тебя на Краю Земли
Белый камешек с берега моря.

